

Человек – перед символом литургии внутри исихастерия

И вновь, отвлекаясь от последовательного рассмотрения изображений Троицкого придела – исихастерия... вместе с тем не отходя от композиции «Гостеприимства Авраама», рассудим о вещах самых общих, но совсем не отвлечённых от предметов нашего интереса, помыслим о логосности изображения, о символе, воплотившем смысл предвечного Бога Слова, создавшего Себе выразительную форму. Человек в пространстве личного моления – перед символом литургии внутри молитвенного пространства, убранного, составленного живописным символом. Даже если здесь не совершается литургия, молящийся не устраняется от неё, от общего тайнодействия и от самого литургического существа, от единственной цели литургии, приникая к изобразительному символу. И неуклонно неотступно – осознаём эту единственную литургическую Цель, единственное Назначение – это Путь, Истина и Жизнь, это Сам Христос Бог. Символизм живописи не предполагает и не ставит задачей никакой замкнутости человека на внутренних состояниях души, имманентных, глубоко уединённых, обособленно личных, живущих наедине с самим собой утаённых и самодостаточных душевных движений. И при всём том, что личное моление в данном пространстве храма может быть физически не связано с общим деланием литургии, - допускаем это, как версию, - человек молящийся находится вне литургии. В исихастерии нет физического престола, жертвенника, нет места литургической Чаши, места совершению таинства, но Тот, Кто сопутствует Таинству – Сам Бог, Таинство не подменяя, не замещая Таинства, - преподан в изобразительном символе, обустроенном в этом иконном пространстве. Не устаём говорить о пространственной иконе. Человек не отделяется символом от общего делания в исключительно личную молитвенную исихию, не сублимирует Богообщения через приникание к изображению, не подменяет, не замещает через образ личного со-участия в литургическом действии, в восприятии Святых Таин. Но, скажем так, в этом образном пространстве высоко концентрированных образных смыслов и значений личная исихия пребывания в Боге – распространяется через видимый образ за пределы человеческого естества, за пределы ограничения личностью и неотрывно связана с литургической полнотой во Христе. В этой полноте Бог - через образ включает человека, научает Собою, приучает к Себе... приобщая к Себе – человека через образное узнавание. В этой тишине познания и приобщения предстоящий образу и во-ображённый в образ человек в личном молитвенном делании – предстоит непосредственно Чаше с тельцом – жертвенным Агнцем, закланным жертвенным зверем, пребывает непосредственно перед символом закланного Христа, внутри предвечного совета лиц Троицы. Здесь отнюдь не пространство погружения человека в области фантазий и саморефлексий, но область непосредственной... непосредственной образом встречи человека и Бога... не менее того. Именно на это проникновение... взаимное приникание человека и Бога настроена обратная перспектива и всё композиционное решение образного пространства исихастерия. Троце предстоят Авраам, Сарра и также предстоят - люди внутри исихастерия, предстоят непосредственно Чаше Превечного Совета Лиц. Символический цикл ангельских жестов и хлебов, передаваемых Сарре – уже не совершается в некоей изобразительной плоскости перед нами и вне нас, но мы, включённые в этот символ – предстоим перед Чашей и можем воспринять этот символическое образное действие, как совершающееся перед нами... вокруг нас, в том числе и для нас, вокруг нашего молитвенного уединения, вокруг нашей личной сердечной молитвы, неразрывно

связанной через образ с происходящим литургическим действием и с Лицами Святой Троицы, буквально об-стоящими нас.

Этот символически действенный ряд, как бы круговой вектор от двуперстного благословения ангела – символа Бога Отца к жертве, далее - к именованному благословию ангела – Бога Слына к Себе Самому и к сокровенному свитку, далее – к именованному благословию ангела Святого Духа ... Совершается не в плоскости перед нами, но в некоей пространственном объёме вокруг нас, мы – внутри этого объёма – принимаем хлеб вместе с Саррой. Вот такое символическое литургисание описано здесь, - литургия вокруг престола нашего сердца, образно совершается уживописного престола – вознесённого над нами, на этом престоле – образно возлежит жертвенный Агнец. У подножия этого престола, ниже его, в живописном пространстве близком к нам - совершается служба святых отцов. Чаше поклонения Жертве – предстоит отеческий чин в нижнем живописном ярусе. Вокруг изображения Троичности Божией – над ярусом святоотеческого сослужения – цветут капители – столпы духовных соцветий столпников. Напротив таинства Ветхозаветной Троицы – ладони святого Макария во свете. К этому Троическому образу – распахнуты мандорлы, вещающие внутри этого изобразительного пространства и сердца, бьющиеся в тишине уединённой молитвы. Повторимся, молитва

внутри образа не замкнута внутри себя, не является исключительно плодом внутренним, назначенным для внутреннего, сугубо личного, глубоко имманентного возрастания, - молитва выплеснута наружу, благодаря иконному символу – расширяется на весь образный объём... распространяется на всё образное пространство. В этом исшествии молитвы вовне может не быть ничего видимого... вся возможная видимость уже про-явлена образом... в уединённой тихой молитве внутри образа нет того, от чего в евангелии предостерегает Спаситель – нет молитвы внешней, фарисейского демонстрирования молитвы. Молитва про-исходит, про-истекает отнюдь не на площади, но внутри стен затворённой молитвенной клетки, исходит в эту клетку из клетки сердечной и соприкасается с образом. Молитвенные плоды смиренно выражены образом. Молитва выплёскивается вовне сердечного пространства, отзываясь голосу Господнему, звучащему через откровенный образ, преодолевает границы человеческого естества, по-рождается из человеческой ограниченности в лоно образа, торжествующего о Господе, не таящего своего торжества... никак не стесняющего себя своим торжествованием. Так, исихастирий – не есть некие стены, заключающие человека внутрь самого себя, но выстроенные, вымоленные символические пространства, просторы, расширяющие, раскрывающие человеческое естество до соприкосновения с образом... научающие, приобщающие к Первообразу. В изображённом нет и не может быть образа – без-образного, отстраняющего от Первообраза, заталкивающего человека внутрь собственных личных чувств, умствований, эстетических переживаний и наслаждений, персональных страхов... безотчётных и ложных восторгов... мнимых и ложных путей и плодов... Личное перед образом, а паче того – внутри обстояния образом - выходит из человеческих пределов – к встрече с Богом непосредственно на грань этой встречи, утратившую непроходимость, - не грань живого... живо-трепещущего... живо-писанного, буквально зо-графо, образа. В образе, созданном во славе Господней, во славу Господнюю... во взаимном отношении со Славой... в прямом смысле слова православном образе - уже нет и не может быть изображений, оставляющих человека внутри самого себя наедине с самим собой, в от-странении: нет отдаляющей прямой перспективы, нет образа уединённого креста, который вне целостного образного простора замкнул бы душу в судороге напряжённого со-стадания, со-страстия Спасителю, не раскрывая пути к Нему. Скажем чуть более о том, чего совершенно нет у Феофана Грека и в традиции православного иконотворчества. В образе православном немислимо создание неких эстетических, художественных из-образований, как стен, замыкающих человека внутри собственной молитвенной нивы: я – замкнут в себе, передо мной – изображение, не имеющее связи со мной, отстраняющее меня, не ставящее задачи моего во-ображения ко Господу, не вбирающее, не во-ображающее в себя - меня, молящегося... во-ображающее не к тому, чтобы оставить во-образённым и только... Н к тому, чтобы привести к себе, к образу, но - наставить... у-править... поставляя на деятельный путь – следования ко Христу и бытийствования... истинствования со Христом. Невозможно не допустимо в православном сознании и в практике православной молитвы не приемлемо - не во-образимое, не во-ображающее, образное проявление, когда непроницаемо, нево-образимо сопоставляются человек и изображённое перед ним, например, я – и Крест изображённый, а между нами – бесконечное пространство отстраняющей самодостаточности: изображения и моего молящегося естества, любующегося изображённым со стороны. Не во-ображающий образ препятствует молитве, стоит на её пути, уводит собою на стези ложные... Опасен и неприемлем образ, намеривающийся вести к самому себе, самодостаточному, законченному произведению, даже и возметая некое со-чувствие, со-

страстие у предстоящего человека... - так помышляем, что и заблуждает себя человек следуя за образом не путе-водящим никуда, кроме самого себя... как бы за поводырём слепым от рождения – шествует невоображённая молитва. Но распознаем ли так легко пути шествования нашего во-след образу, пути нашего воображения... Одна ли только традиция шествующих перед нами, пред-шествеников в молитве – ориентиром, мерилком, дозволяющим побуждением к образу, к откровенности перед ним, путеводствующим ко Христу. Именно путеводства ко Христу ищем в образе, не обретая в окружающем падшем мире... открывая себя образу, откровенничая перед ним и не довольствуясь, никак не удовлетворяясь изображённым. Человек во-ображённый размыкает своё вне-образие, избавляется от без-образной печали падшего естества, от уединения в безобразии, пробуждается от личной замкнутости, а внутренняя во-ображённая тишина – лишь некая оболочка, обрамление человека в пространстве тонкого оживления образом, через образ, раскрывающая человека невидимому, открывающая невидимое изнутри уединённого и приникающего к образу человека. И в этом взаимном раскрывании образа Божьего в человеке и образа живописанного - ангелы, святые, цветущие столпники не ужасают, но образуют пространство этой тишины – исихии, настраивают на особенный тихий лад бессташного высвобождения из себя, преодоления рамок личности, ис-ступления из уединённости грехом - к вос-приятию Бога. Хотя бы в образе Его... И здесь перед нами вновь неодолимая нашими силами – и не дарзаем на то – грань таинственного... Остановимся на ней... не перешагнём за пределы благочестия. Образ красноречиво свидетельствует о близости Бога к человеку, о возможности взаимного приникания и проникновения природ. Но природа Божественная никак не может быть побуждаема, принуждаема, приневолена образом нашим... Господь – свободен и не принуждаем так же как и мы. Но личная человеческая природа в во-ображённой молитве не воспринимается, не осознаётся, не проживается человеком, как неприступная для Бога, отверженная, отвергнутая. Удовольствуемся, обрадуемся, обнадёжимся этим... не удовлетворяясь... Божественная природа не воспринимается, как неприступная и чуждая, как непроницаемая, непроникновенная для нас. Представляется, именно в этом осознании, в опытном вос-приятии, в Бого-словствующем догматическом утверждении истинности и незаблудности во-ображённого пути ко Христу, в допустимости взаимопроникающих перед образом природ – торжество Православия, освятившего врата этого со-общения – образ. Торжество – о возможности спасении в виду образа, в связанности с ним, о распространённости Бога и благосклонности его к Своей твари... о возможности человеком таинственно - изобразить неизобразимое... не удовлетвориться изображённым, но почитательно – шествовать к Первообразию, предстоять Ему... Торжества, как деятельного свидетельства и подтверждения личной радости о во-человечении Бога, вне-природного человеку. Торжество о доступности и откровенности перед нами Творца. Торжество об образе Божиим, как свидетеле в этом взаимном творческом и деятельном, плодотворном предстоянии... со-стоянии твари и Бога. Красноречиво свидетельствует образ во-ображающий человека, во-человечивающий Бога, вос-соединяющий тварь и Творца... воспевающий, пробуждающий радость о про-явлении дел - энергий Святаго Духа, в стяжании которого – и есть истинная и единственная цель человеческого существования. Во-образим ли Сам Бог? Несомненно – во-образим, готов Сам – про-явиться к нам Своею благодатной силой, задышать Духом Животворящим, - проговариваем в себе, глядя на образ Троицы, вошедшей в наше гостеприимство.

Внешние рассуждения и научные изыскания об иконе позволяют, скрываясь за них, оправдываясь интересами чистой науки опустить наиважнейшую, единственно важную – сущностную часть рассматриваемого и об-суждаемого, а именно то, как возможны взаимоотношения Бога и человека посредством образа, при посредничестве и через символ. Является ли образ – неким неперменным, обязательным посредником общения? Вывести эту чрезвычайно важную страницу образования – вовне основного текста научного исследования – практическое правило для соблюдения научной чистоты, не опороченности вне – научными сведениями, личным опытом. Как изъять саму сакральность, таинство, Самого Бога из образа, который выношен церковной полнотой, личным опытом мастера, выверен, создан и встроен в литургическое прилежание к общему со-существованию твари и Творца? Возможно ли вообще и осмысленно ли, не душевредно ли увлечённо говорить лишь о вторичном, не прикасаясь к самому главному: какова пред образом связь - *религия отношений* Творца и твари, человека и Бога. Всё не о том говорят, не о том, - повторим вопль Достоевского, прочитывая научные труды об образе Божьем. Логос, воплотивший Себя в этих образах через оглаголанного мастера – глаголет нам о живом Боге, глаголет о том, что жизнь Бога неотъединима от жизни человеческой, вместе с тем, непостижима и таинственно сокрыта в этом единстве... глаголет, не пускаясь в полемику и просто про-являя Себя. Как проявил Себя Дух в преподобном Серафиме, не пускаясь в проговаривание слышимых слов о Себе, в уверение вопросившего – Дух Святый – уверил Самим Собою, про-явленным во свете обступившем и Серафима и вопрошающего...

Сколько же символов таинственного перед нами, - по сути всякий символ – возведение к таинству и путь проникновения сквозь это прикорвенное таинство к непознаваемому. Вот - символ двуперстия, преподаваемого ангелом Бога Отца. Символ соединения природ

Божественной и человеческой – не есть свойство Отческое, но возвратимся к слову Спасителя: «Видевший Меня», – по человечеству, – «видел Отца», – невидимого. Природы соединены в едином символе Отчей благословляющей десницы... но не соприкасаются, едва разведены «неслиянны» персты благословения. И продолжением этого жеста – жертвенный нож – литургическое копие. Благословляющая десница не притрагивается к ножу, но соединяется с ним истечением благословения. В левой руке центрального ангела соединены и свиток, и мерило. Вновь таинство, - не будет раскрыт и прочитан некий текст, внятное к уразумению слово. Невидимым нам способом в руке ангела – соединены знаки, атрибуты таинственных значений – символ право-мерия, уравно-вешивания и право-правления миром, символ, близкий к скипетру. Скипетры – мерил в левых руках всех архангелов Троицы, расположены строго вертикально у ангелов Отца и Сына, чуть наклонённо – у ангела Святаго Духа. Наклон случаен ли, в угоду ли одному эстетическому оживлению статики композиции? Не есть ли – также – символ нисходящего Духа, нисходящего к предстоящим, вполне в закономерности прямой перспективы. Заметим ещё, что скипетру – мерилу в символике своей должно содержаться в правой руке, - этой закономерности следуют изображения архангелов в световом барабане, так же изображён архангел Гавриил на южной стене исихастирия, - с мерилом – копием – скипетром в деснице, строго вертикален правящий умиро-творяющий жезл. В символике Троицы «Гостеприимства» право-мерие мерил уступает некое правое первенство симфонии значений жестов, – благословляющему символу. И вот перед нами – жест десницы центрального архангела – Бога Сына, - не направлено к нам именованное благословение, а точнее, направлено не только к нам, но и к Самому Себе, - свидетельство о Мне – «писания только свидетельствуют обо Мне» - и вот - являюсь вам. Примите – Меня, благословенного и благословляющего. Аз – есмь Сын, Путь, Истина и Жизнь – Аз. Так прочитываем, не углубляясь более, - в дальнейшем углублении уже нет места мертвящим словам. Именованное благословение в деснице ангела Духа. Единая десница – преподаёт символ имени Христа – как это может быть? – нам не открыто существо Бога, но откровенно только некая форма, соединяющий и возводящий символ. Принято Саррой физическое благословение – принят благословенный хлеб, принят прикровенными руками, таинственно, не прикасается Сарра к Божественной сущности, принимая эту сущность. Сарра не вкушает Хлеба, принимает Его. Очень близка эта композиция к традиционному образу Небесной Литургии – преподавания Святых Даров причащающимся апостолам. В исихастирии перед нами - собраз символическое причащения от Троичного превечного Бога, Христос причащает в соучастии Отца и Духа, тогда продолжением изображённого небесного действия – вслед за событиями Ветхого завета и таинственно – вне времён, единовременно с ними оказываемся мы сами, в чине апостольском, в чине святого сыновства Божьего – живущие ныне и предстоящие перед изображёнными символами Святых Даров. Собственно таинство будет совершено не здесь, но мы – вне отрыва от литургии соблюдаем и расширяем к восприятию его – свою тишину во глубине сердечной, - вот так образ настраивает на восприятие Бога в литургии – в делании общем. Вот так дело личностное приготавливается образом к деланию совместному, общинному, соборному, - пред лицом Господним, пред неразделимыми лицами Бога. Один на один с Богом, лицом человеческим перед лицами Троицы - не творится литургия, но преподаётся во всей возможной полноте её иконный символ, её образ. Образ, приготавливающий нашу тишину и расширяющий, истончающий её к тому, чтобы выйти за свою ограниченность к возможности вместить Бога безграничного, готового присоединить нашу тварность к Своей вне – пространственной широте. Приготавливайте дом, делайте прямыми пути Богу к себе... - здесь образ научает нас, вовлекает в это приготовление, в это исправление. Но

входит Господь неведомым образом и неведомым путём - вникает в нас – в пространстве действенной совершаемой Литургии.